A 249/52

А 249
52

РАЗСКАЗЫ

О

ВОЕННЫХЪ ПОДВИГАХЪ

РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1883.

801-89
8954-X
249
52

РАЗСКАЗЫ

О

ВОЕННЫХЪ ПОДВИГАХЪ

РУССКИХЪ ВОЙСКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1883.

РАЗСКАЗЫ

О ПОДВИГАХЪ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877-78 ГГ.

Война родитъ героевъ....
(народная поговорка)

Изъ жизни Его Величества Государя Императора Александра Николаевича на Дунаѣ.

ДЕНЬ ГОСУДАРЯ.

Въ войну 1877 года Государь составлялъ средоточіе, душу того великаго дѣла, за которое боролись наши войска и подробности о Его жизни въ высшей степени должны интересовать всѣхъ. Среди арміи, въ лагерной обстановкѣ, Государь остался вѣренъ тому порядку жизни и распредѣленію времени, которое онъ усвоилъ себѣ издавна. Онъ занималъ небольшой домикъ въ двѣ комнаты, изъ нихъ одна—Его кабинетъ, другая—спальня. Кромѣ того есть галлерея, обтянутая полотномъ, и маленькая передняя. Государь вставалъ около 8 часовъ утра и пилъ кофе. Какъ бы ни былъ Онъ утомленъ наканунѣ, какія бы заботы и дѣла ни изнуряли Его, Онъ не мѣнялъ этого часа, и если докторъ замѣтитъ, что Онъ почивалъ мало, Государь

говорилъ: „Я не могу вставать, позже, потому что не успѣю иначе все сдѣлать.“ Послѣ кофе Государь прогуливался, потомъ садился за чтеніе полученныхъ телеграммъ, журналовъ, слѣдилъ за военными дѣйствіями, изучалъ ихъ. За телеграммами Государь слѣдилъ съ величайшемъ нетерпѣніемъ и каждое извѣстіе принималъ близко къ сердцу. Если телеграммы получались ночью, Его немедленно будили; во время боя на Шипкѣ, Государь былъ настроенъ особенно тревожно и Его приходили будить по нѣскольку разъ въ ночь. Въ 12 часовъ—завтракъ, къ которому собиралась вся свита. Завтракъ накрывался въ большомъ шатрѣ и Государь садился въ срединѣ стола. Обыкновенно Онъ много говорилъ и былъ весьма любезенъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда что нибудь особенно заботило Его или печалило. Послѣ завтрака Онъ садился работать и работалъ нѣсколько часовъ сряду, разсматривалъ бумаги и доклады присланные изъ Петербурга, все внимательно прочитывалъ, дѣлалъ замѣчанія на поляхъ, полагалъ резолюціи. Въ это же время Онъ принималъ доклады министровъ и другихъ лицъ, имѣвшихъ у Него доклады. Въ день отправленія курьеровъ въ Петербургъ Онъ приготовлялъ почту и былъ занятъ наиболѣе. Ничто не измѣняетъ этого порядка. Были такіе жаркіе дни, что термометръ (градусникъ) показывалъ въ тѣни до 32 градусовъ, Государь обливался потомъ, но продолжалъ работать, не смотря на изнуряющій жаръ, разслаблявшій тѣло и заставлявшій многихъ жаловаться на духоту. Никто никогда не слышалъ изъ устъ Государя жалобу ни на жаръ, ни

на утомленіе; ни на другія неудобства лагерной жизни. За завтракомъ Государь прочитывалъ свитѣ телеграммы; иногда телеграмма приходила раньше или позже и Государь призывалъ кого-нибудь изъ свиты и прочитывалъ извѣстіе и непремѣнно самъ. Передъ обѣдомъ, отъ 4 до 5 часовъ, Государь почивалъ, и затѣмъ дѣлалъ прогулку въ коляскѣ въ лагерь и въ лазаретъ расположенный въ нѣсколькихъ палаткахъ. Это была ежедневная Его прогулка.

Я видѣлъ Его, когда Онъ посѣщалъ раненыхъ. Столько простоты, столько душевной теплоты, такого нѣжнаго обращенія — трудно себѣ представить. Это не Императоръ обширной имперіи, являющійся во всемъ своемъ блескѣ, а человѣкъ, глубоко чувствующій страданія этихъ борцевъ, ищущій въ своемъ сердцѣ всѣхъ средствъ, которыя бы могли облегчить эти страданія. Здѣсь царское величіе являлось въ царственной простотѣ, въ глубокомъ добродушіи, въ сердечномъ чувствѣ, въ этомъ дрожащемъ отъ слезъ голосѣ, которымъ Государь, растроганный до глубины души, говорилъ иногда, и слезы текли изъ Его глазъ, и Онъ напрасно старался скрыть ихъ. Никогда общеніе Государя и народа не являлось столь близкимъ, столь теплымъ и задушевнымъ, какъ здѣсь. Цѣлыя легенды создала эта война и имя Государя еще глубже проникнетъ въ народную душу и никогда не изгладится изъ народной памяти. Часто Государь прибывалъ въ лазаретъ съ цѣлымъ ворохомъ подарковъ для раненыхъ. Тутъ были ситцевыя, полотняныя и ксандрицкія рубашки, кисеты для табаку, портмоне, ножи, книги, гармо-

ники и проч. Все это несли за Государемъ сестры милосердія. Онъ заранѣе зналъ тѣхъ, которые умѣли играть на гармоникѣ, и спрашивалъ раненыхъ: курятъ ли они, или нѣтъ, грамотные или нѣтъ? Подарки распредѣлялись сообразно этому.

„Императрица прислала вамъ гостинцевъ“—говоритъ Государь, входя въ палатку, и раздаваль по два, по три подарка каждому, причемъ справлялся: о здоровьѣ, о ходѣ раны, о дѣлѣ, въ которомъ получена рана. Раненые цѣловали у Государя руку, принимая подарки, и Онъ ласково говорилъ съ ними, ласкалъ рукою по лицу, какъ ласкаютъ любимыхъ дѣтей. Раненые отвѣчали на вопросы Государя совсѣмъ не стѣснясь, очевидно—они привыкли къ этому сердечному обхожденію съ ними Государя и чувствовали всю его искренность, всю теплоту душевную.

— „Гдѣ тотъ, который играетъ на гармоникѣ?“—спросилъ Государь.

Ему указали.

— Ну, вотъ тебѣ, сказалъ Государь, подавая гармонику молодому солдату, совсѣмъ еще безъ усовъ, съ необыкновенно добродушной физіономіей.

Солдатъ сталъ пробовать гармонику.

— Ну, сыграй что нибудь,—сказалъ Государь.

— Я на такихъ, Ваше Императорское Величество, еще не игрывалъ.

— Попробуй.

Солдатъ взялъ нѣсколько аккордовъ и заигралъ что то веселое. Государь слушалъ улыбаясь.

— Видишь какъ хорошо выходитъ,—произнесъ Онъ, выходя изъ палаты.

Государь обошелъ нѣсколько палатъ и каждый раненый получилъ подарокъ. Офицерамъ Онъ раздавалъ, между прочимъ, свои фотографическіе портреты, нѣкоторымъ раненымъ солдатамъ и офицерамъ георгіевскіе кресты. Осмотрѣвъ комнаты, отведенныя для сестеръ милосердія, которыя только наканунѣ прибыли, Государь вышелъ на площадку, гдѣ стояла Его коляска и хоръ музыкантовъ. Раненые высыпали наружу, кто въ шинели въ накидку, кто просто въ лазаретной рубашкѣ, кто въ шапкѣ, кто безъ шапки. Было около шести часовъ. Солнце садилось, палатки бросали тѣнь. Дальніе холмы были освѣщены розовымъ свѣтомъ. Въ воздухѣ стояла тишина. Далекій живописный видъ открывался передъ глазами. А вблизи стояла одна изъ самыхъ незабываемыхъ группъ, образовавшаяся случайно, безъ всякой подготовки. Эти преданные бойцы, этотъ Государь, только-что обласкавшій ихъ, сестры милосердія, доктора, два лица изъ свиты, священникъ, только-что читавшій въ группѣ больныхъ Евангеліе—все это молчаливо, точно ожидая чего. Государь обратился къ одному раненому съ гармоникой, чтобы онъ что-нибудь сыгралъ. Раненый началъ какую-то печальную мелодію. Всѣ слушали. Государь былъ задумчивъ. Когда, раненый кончилъ, Государь обратился къ музыкантамъ:

— Ну, теперь играйте вы.

Заиграли музыканты. Въ это время пріѣхалъ ординарецъ Великаго князя и подалъ Государю депешу. Онъ быстро развернулъ ее и сталъ читать. Прочелъ разъ, прочелъ другой, потомъ сталъ складывать, по-

томъ опять развернулъ и опять прочелъ. Подозвавъ къ себѣ князя Суворова, Государь съ улыбкой сообщилъ ему содержаніе депеши (это было извѣщеніе о томъ, что турки сняли мостъ, который начали было строить у Каларапа, около Силистріи). Сѣлъ въ коляску, простился съ ранеными и уѣхалъ въ лагерь. Музыканты заиграли народный гимнъ. Всѣ сняли шапки.

Государь Императоръ на праздникѣ казаковъ.

4 октября 1877 года, въ память блистательнаго дѣла подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, лейбъ-гвардіи Его Величества казачій полкъ, по издавна заведенному обычаю праздновалъ свой полковой праздникъ, который удостоили своимъ присутствіемъ Государь Императоръ, главнокомандующій дѣйствующею арміею Великій Князь Николай Николаевичъ и мног. друг. Послѣ заздравныхъ тостовъ, Государь Императоръ изволилъ подойти къ накрытому для нижнихъ чиновъ столу, чтобы попробовать пищу. На столѣ, около котелковъ со щами не оказалось ложекъ,—обыкновенно нижніе чины имѣютъ ихъ при себѣ.

— Ребята, дайте ложку!—крикнулъ Его Высочество главнокомандующій.

Казаки переминаются.

— Э, эхъ, да у васъ и ложки-то нѣтъ,—изволилъ сказать Государь.

Это заставило близъ стоящаго казака и полѣзть

за голенище, и достать ложку. Вынувшій ложку казакъ вытеръ ее своими пальцами и подалъ Государю. Всемилостивѣйшій Монархъ, видя все это, милостиво улыбаясь, взялъ у казака ложку и началъ ею кушать казачьи щи.

Государь Императоръ при переправѣ черезъ Дунай.

На другой день послѣ геройской переправы нашихъ войскъ, въ 11 часовъ утра къ турецкому берегу подъѣхалъ на простомъ понтонѣ Государь Императоръ. Сойдя на берегъ, Его Величество повѣсилъ на шею генерала Драгомірова Георгія 3-й степени и, обращаясь къ бывшимъ тутъ-же офицерамъ волынскаго полка, сказалъ:

— Я не ожидалъ, что васъ такъ мало останется. Благодарю васъ за службу, которую я никогда и нигдѣ не забуду.

Предки генерала Скобелева.

Однажды Императрица Екатерина, выйдя изъ своего кабинета, обратила вниманіе на стоявшаго около дверей часоваго изъ рядовыхъ. Высокій ростъ и представительная наружность простаго рядоваго поразили ее.

— Какой бравый солдатъ! — милостиво сказала Она. —Какъ твоя фамилія?

— Кобелевъ, Ваше Императорское Величество.

Императрица еще разъ милостиво взглянула на него, какъ будто призадумалась и потомъ сказала:

Съ теперешней минуты ты будешь называться Скобелевъ...

Отъ этого рядоваго и начался родъ Скобелевыхъ. Почти всѣ члены этого рода пользовались извѣстностью, недавно умершій генералъ Скобелевъ за свою геройскую храбрость извѣстенъ даже туркамъ подъ именемъ „бѣлаго генерала“.

При переноскѣ турецкихъ раненыхъ на русскій перевязочный пунктъ.

При взятіи Телиша генералъ Гурко приказалъ немедля положить турецкихъ раненыхъ на носилки и нашимъ солдатамъ нести ихъ на русскій перевязочный пунктъ. Приказаніе было исполнено тутъ-же, и вереницы носилокъ потянулись по шоссе.

— Тяжелые какіе, говорили солдаты про турокъ, которыхъ несли.

— Благодарите Бога, чтъ своихъ-то не пришлось таскать,—замѣтили на это проѣзжавшіе офицеры.

— Своего-то не въ примѣръ тяжелѣе есть,— отвѣчали солдаты.

Смерть лучше плѣну.

Во время битвы при Кадыкіоѣ, одна изъ нашихъ ротъ отступила до самаго гребня, отвѣсно обрушивающагося внизъ. Нѣсколько солдатъ остались на краю. Турки

хотѣли взять ихъ живьемъ военнопленными и сулили пощаду, но храбрые солдаты рѣшились лучше умереть, чѣмъ сдаться.

Съ Божьей помощью.

Въ одну изъ жаркихъ битвъ на Шипкѣ, турки особенно напирали на нашихъ, и тѣ, конечно, били ихъ массами; все пространство впереди было усѣяно красными фесками, а между тѣмъ все новыя и новыя колонны красныхъ фесокъ опять лѣзли на нашихъ...

— Да это, братцы, самъ дьяволъ плодитъ ихъ столько: откуда быть имъ тутъ этакой силищѣ?— опуская отъ отчаянія измаянныя руки, чуть не сквозь слезы, восклицаетъ молодой солдатикъ.

— А ты, молокососъ, дьявола-то не поминай, а имя Христово призови — и одолѣемъ! — наставительно и съ увѣренностію замѣчаетъ старый унтеръ-офицеръ видавшій на своемъ вѣку виды, и одно подобное замѣчаніе вдругъ ободряетъ цѣлый ложементъ, цѣлую роту.

— Вѣрно, братцы, вѣрно! Это настоящее слово! —проносится между кучками:—нутка, съ Богомъ!... Во имя Отца и Сына... пли! — и новый дружный залпъ треснулъ на встрѣчу противнику.

— Вишь ты! вонъ оно какъ!... Сразу тылъ и далъ... Вотъ оно что значитъ съ Божьимъ-то именемъ!

Самъ перевязалъ.

Докторъ встрѣчаетъ раненаго солдата, скверно перевязаннаго и идущаго обратно въ бой.

— Ты куда?

— Въ строй.

— Кто тебя перевязывалъ?

— Самъ перевязывалъ,—крайне грубо отвѣчаетъ солдатъ, даже не оглядываясь.

— Иди ляжь и отдохни. Кстати перевяжемъ тебя, какъ слѣдуетъ.

— Поди-ка лучше укладывай вонъ тамъ офицеръ лежитъ, его... А я и безъ тебя обойдусь.— И опять отправился въ ложементы.

Капитанъ Базилевскій и подпоручикъ Лундъ.

Въ сраженіи при Дубнякѣ, капитанъ Базилевскій 3-й былъ раненъ; къ нему бросился на помощь подпоручикъ Лундъ.

Что съ вами? спросилъ онъ.

— Не ваше дѣло,—отвѣчалъ Базилевскій,—ведите роту впередъ: иначе всѣхъ перестрѣляютъ...

Заботы о томъ, чтобъ рота шла впередъ, заставили этого героя забыть о собственной ранѣ.

Героизмъ русскихъ солдатъ.

Стоявшаго впереди офицера турки ранили, онъ упалъ. Редифы бросились, чтобы схватить его и натѣшиться надъ несчастнымъ. Наши, несмотря на свою малочисленность, окружили его стѣною и 8 человѣкъ при этомъ еще было убито.

— Уходите братцы!—кричалъ имъ раненый офицеръ. — Оставьте меня. Я вамъ приказываю какъ начальникъ.

— Ладно, послѣ поговоришь! — отвѣчали ему честные люди и до конца отстояли бѣднягу.

— Виноваты, ваше высокоблагородіе!—оправдывались они потомъ.

— Въ чемъ это, друзья?

— Да, не послушали васъ!...

Смерть князя Гергія Максиміліановича Герцога Лейхтенберскаго.

Остановившись на рекогносцировкѣ, князь Сергій Максиміліановичъ спросилъ бинокль, который и подалъ ему казакъ, бывшій у него въ конвоѣ. Князь началъ устанавливать бинокль по глазамъ, но въ другъ съ возгласомъ „ахъ!“ уронилъ его. Зандеръ, желая поднять бинокль, соскочилъ съ лошади и видитъ, что князь падаетъ съ сѣдла... Зандеръ подскочилъ и удержалъ князя за грудь, но его уже не стало. Герцогъ былъ убитъ на лѣвомъ флангѣ центральнаго отряда. Тамъ была одна турецкая рота, которая залегла въ свои ложементы. Герцогъ перевезенъ былъ въ коляскѣ. Въ коляскѣ, между передними и задними сидѣньями, поперегъ были положены носилки на которыхъ лежало уже холодѣющее тѣло Сергія Максиміліановича. Тоже спокойное лицо, только посинѣли губы, да лѣвая рука, вся забрызганная кровью, покоится на груди.

По правую сторону, около самыхъ волосъ, зіяетъ

рана. Кругомъ запеклась кровь. Пуля пробила черепъ и осталась въ полости мозга... Капля за каплей кровь сочится оттуда и падаетъ внизъ. На фуражкѣ, направо, около самой кокарды, небольшое отверстіе.

Комната, которую занималъ Сергій Максимиліановичъ, имѣла не болѣе шести шаговъ длины и три съ половиною ширины; стѣны и потолокъ были обтянуты полотномъ; вдоль длинной стѣны стояла его кровать; влѣво, у изголовья, столъ съ книгами и туалетными принадлежностями; въ ногахъ другой столъ съ книгами же и другими вещами, и въ углу на столѣ портретъ великой княгини Маріи Николаевны, матери покойнаго князя.

РАЗСКАЗЫ

О ПОДВИГАХЪ РУССКИХЪ СОЛДАТЪ ВЪ ВОЙНУ 1812, 1813, 1814, 1828, 1848, 1853, 1854 гг.

Архипъ Осиповъ, рядовой 77-го пѣхотнаго Тенгинскаго, Его Императорскаго Высочества Великаго князя Алексѣя Александровича, полка.

На берегу Чернаго моря, на Кавказѣ, находилось Михайловское укрѣпленіе, которое, весной 1840 года, осадилъ многочисленный непріятель. Дѣло было такъ: утромъ 22 марта, черкесы, въ числѣ 11,000 человѣкъ, рѣшились взять это укрѣпленіе; нашихъ солдатъ было тамъ только 480 человѣкъ.

Непріятель, окруживъ со всѣхъ сторонъ, пошелъ на приступъ; два часа шла кровавая рѣзня; нѣсколько разъ наши отбивали черкесовъ и сбрасывали ихъ съ валовъ укрѣпленія; но „*сила солому ломитъ*“ говоритъ русская пословица, какъ храбро наши не защищались однако чувствовали, что не отстоять имъ своего поста: половина храбрыхъ защитниковъ пала; а врагъ все болѣе и болѣе усиливался.

Тогда начальство, сознавая, что бѣду эту ниты-

комъ не приколешь, порѣшило: не сдаваться въ руки врага ни живыми, ни мертвыми, а взорвать пороховой погребъ и тѣмъ уничтожить себя и укрѣпленіе,—вѣрно исполнить свою присягу.

Сказано—сдѣлано. Рядовой Тенгинскаго пѣхотнаго полка, Архипъ Осиповъ, вызвался совершить этотъ подвигъ. Обрекая себя на столь славную смерть, онъ только просилъ товарищей—пояснить его дѣло, если кто изъ нихъ останется въ живыхъ.

Когда черкесы ворвались въ укрѣпленіе, тогда Архипъ Осиповъ поджегъ пороховой погребъ—раздался страшный взрывъ и тысячи враговъ съ горстью русскихъ защитниковъ взлетѣли на воздухъ. Палъ и герой Архипъ Осиповъ; но желаніе его исполнилось: Господь сохранилъ нѣсколько человѣкъ храбрыхъ его товарищей, которые сохранили его завѣтъ и вѣрно передали его желаніе. Его Императорское Величество Государь Императоръ, щедро наградивъ семейства павшихъ защитниковъ, за доблестный подвигъ рядоваго Архипа Осипова, Высочайше повелѣть соизволилъ: сохранить на всегда имя его въ спискахъ 1-й гренадерской роты Тенгинскаго пѣхотнаго полка, считая его *первымъ рядовымъ*; первому за нимъ рядовому отвѣчать: „*Погибъ во славу русскаго оружія въ Михайловскомъ укрѣпленіи*“.

Этому доблестному герою русской арміи предполагается въ настоящее время поставить памятникъ.

Унтеръ-офицеръ Старичковъ.

Въ храброй русской арміи есть не одинъ примѣръ

высокаго самопожертвованія за свое знамя. Эти примѣры должны быть извѣстны всѣмъ. Полкъ или баталіонъ можетъ быть разбитъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, разсѣянъ и истребленъ; но если знамя его сохранено, то полкъ существуетъ, потому что честное имя его сохранено неприкосновеннымъ. Полкъ, баталіонъ или эскадронъ, потерявшій знамя, теряетъ право на свое имя, уничтожается.

Во время войны съ французами въ 1805 году, знаменщикъ Азовскаго пѣхотнаго полка, унтеръ-офицеръ Старичковъ, видя, что непріятель въ превосходномъ числѣ напалъ на полкъ и хочетъ добраться до знамени, сорвалъ его съ древка и спряталъ у себя на груди. Будучи раненъ, онъ попалъ въ плѣнъ, но и тутъ онъ не разстался со знаменемъ и сохранилъ его до тѣхъ поръ, пока не наступилъ его послѣдній часъ; когда же онъ почувствовалъ, что ему придется скоро умереть, то подозвалъ къ себѣ рядоваго Чайку, также бывшаго въ плѣну, отдалъ ему знамя, приказавъ беречь и сохранить его, пока не возвратится на родину. Чайка свято исполнилъ приказаніе Старичкова, и, возвратясь изъ плѣну на родину, представилъ знамя начальству. За такой поступокъ Государь Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ рядоваго Чайку произвести въ унтеръ-офицеры и наградить деньгами, а семейству Старичкову выдавать изъ казны по 400 рублей въ годъ. Послѣ Старичкова осталась вдова, и жители города Калуги, откуда онъ былъ родомъ, сложились и подарили ей и семейству домъ.

Фельдфебель Фальковъ.

Томскаго Егерскаго полка фельдфебель 5-й роты, Фальковъ, въ дѣлѣ съ Турками 22 января 1854 года, былъ раненъ въ руку пулею на вылетъ. По излеченіи раны, оказалось, что онъ не въ состояніи владѣть рукою, и его назначили въ неспособные—въ отставку. „Нѣтъ ужъ воля ваша“, говорилъ Фальковъ узнавъ приговоръ доктора,—„разстаться съ полкомъ не могу, 16 лѣтъ въ немъ я служилъ, не оставлю его и теперь“. Фалькову объявили, что, выйдя въ отставку, онъ будетъ получать треть прапорщичьяго жалованья. „Знаю, что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ; но пока есть силы, я хочу служить и съ ротой не разстанусь“!

Унтеръ-офицеръ Павелъ Приткевичъ.

При оборонѣ нашими войсками города Самарканда въ іюнѣ 1868 г. непріятель бросился чрезъ проломъ въ крѣпость. Унтеръ-офицеръ 3-й роты 6 Туркестанскаго линейнаго баталіона, Павелъ Приткевичъ, замѣтя это, первымъ бросился къ обвалу, прокололь одного врага: но штыкъ его, въ это время, сломался. Приткевичъ не оробѣлъ, а быстро перевернулъ ружье и началъ бить направо и налѣво. Тутъ подбѣжали къ нему товарищи и непріятель былъ отраженъ.

Знакъ военнаго ордена былъ наградой храбрецу унтеръ-офицеру.

Рядовой Петровъ.

Во время войны нашей со Шведами въ 1808 году, въ сраженіи при Пульѳинѣ, рядовой Могилевскаго полка Петровъ замѣтилъ, что одинъ непріятельскій солдатъ несъ наше знамя: Петровъ сейчасъ-же на него бросился, закололъ и сорвалъ знамя съ древка, спряталъ его у себя такъ хорошо, что непріятель, захвативъ его послѣ этого въ плѣнъ не зналъ объ знаменіи. Чрезъ два года Петровъ возвратился изъ плѣна и въ цѣлости доставилъ отбитое имъ знамя. Государь Императоръ произвелъ Петрова въ унтеръ офицеры и положилъ ему особенный окладъ жалованья.

Казакъ Василій Грабъ.

14 апрѣля 1824 года, въ деревнѣ Кобыляхъ загорѣлась ночью изба; хозяина не было дома, а хозяйка такъ перепугалась, что едва только сама выскочила изъ огня, а своихъ двоихъ дѣтей выхватить не успѣла. Въ это время случился въ деревнѣ и прибѣжалъ на пожаръ казакъ 7-го Черноморскаго эскадрона Василій Грабъ. Весь домъ былъ въ огнѣ, а малютки, которыхъ уже душилъ дымъ и припекалъ жаръ, отчаянно кричали; Грабъ кинулся въ домъ, вскочилъ въ окно, схватилъ обоихъ дѣтей и съ ними выскочилъ изъ горѣвшаго дома; Государь Императоръ за славное дѣло это пожаловалъ казаку Грабу медаль съ надписью: „за спасеніе погибшихъ“ и 500 руб. денегъ.

Ѳедотъ Куринскій.

Ѳедотъ Куринскій охотно веселилъ въ походахъ и въ битвахъ. Предъ пѣсенниками, бывало съ бубномъ въ рукахъ, онъ такъ мастерски отхватывалъ присядку, что товарищи помирали со смѣху. Въ дѣлѣ подъ Журжей Куринскій былъ раненъ въ руку. Засмѣялся онъ и говоритъ своимъ: „Проклятый турокъ запрещаетъ играть на бубнѣ; отомстите, братцы, за меня, а я раздѣлаюсь съ нимъ ужъ послѣ когда нибудь„. Хоть и жалко было веселаго товарища, но солдаты разсмѣялись.

Саперъ Афанасій Ивановъ.

Саперный унтеръ-офицеръ, Афанасій Ивановъ, имѣлъ въ Севостополѣ отдѣльный участокъ на Малаховомъ курганѣ, гдѣ работалъ день и ночь. Кромѣ того разставлялъ секреты, повѣрялъ ихъ, осматривалъ непріятельскія работы и, зная хорошо впереди мѣстность, закладывалъ часто по ночамъ ложементы. Одинъ разъ при заложеніи ложемента не достало матеріалу. Работа была спѣшная, въ редуты далеко; онъ взялъ съ собою нѣсколько молодцовъ Селенгинскаго полка, подкрался къ непріятельскому ложементу, крикнулъ во все горло, ура! да и вскочилъ къ нимъ въ ровъ. Французы, думая, что идетъ сила, перепугались и убѣжали. Нашимъ того и надо было: забрали туры, мѣшки, да инструменты и вернулись въ свой ложементъ кончать работу. Въ мартѣ мѣсяцѣ Ивановъ получилъ Георгіевскій

крестъ за то, что не оставлялъ работъ въ то время, когда былъ контуженъ въ голову. Распорядительный и храбрый—онъ занималъ мѣсто офицера.

Знаменщикъ Любанскій.

Во время войны съ турками въ 1828 году, въ одномъ сраженіи, Тамбовскій пѣхотный полкъ былъ окруженъ турецкими наѣздниками. Часть ихъ врубилась въ средину полка и изранила знаменщика Любанскаго. Но Любанскій, падая подъ ударами противниковъ, не забылъ, что ему поручена была честь носить знамя полка; закрывъ знамя своею грудью, онъ не отдалъ его никому. Солдаты отбили наѣздниковъ, и знамя осталось цѣло. Государь Императоръ Николай Павловичъ, за такой геройскій поступокъ, изволилъ наградить Любанскаго орденомъ св. Георгія, произвести въ поручики и перевести въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ.

Сидоръ Ревлюкъ.

При переправѣ турецкихъ войскъ черезъ Дунай 16 апрѣля 1834 г., одна турецкая лодка пробитая нашимъ ядромъ, не успѣвъ отплыть 50 шаговъ отъ берега, стала тонуть. Волны стали заливать лодку, и гибель турокъ была уже близка. Видя это, рядовой Тобольскаго пѣхотнаго полка, Сидоръ Ревлюкъ, съ

берега показавъ туркамъ знаками, чтобы они побросали въ воду оружіе, и, быстро раздѣвшись, кинулся въ воду. Волны сердито шумѣли, но Ревлюкъ быстро плылъ къ лодкѣ, и наконецъ послѣ большихъ усилій достигъ до нея; привязавъ веревку къ носу лодки, онъ оборачивается и, взявъ веревку въ руки, плыветъ къ берегу. Тяжело ему было; вѣтеръ мѣшаетъ, волны ходятъ сердито, но Ревлюкъ не погибъ. Богъ помогъ ему исполнить завѣтъ свой: спасти врага погибшаго. Лодка съ 50 человѣкъ турокъ пристала къ берегу: они были спасены. Выйдя на берегъ, они бросились благодарить Ревлюка, цѣловать его руки. Но Ревлюкъ, не обращая на нихъ вниманія, торопится скорѣй одѣться, чтобы стать во фронтъ. Рота присудила единодушно Ревлюку орденъ Св. Георгія, а начальникъ отряда приказалъ произвести его въ унтеръ-офицеры.

Рядовой Пичугинъ.

Въ городѣ Судогдѣ, въ 1804 году, произошелъ пожаръ. Въ числѣ горѣвшихъ домовъ, былъ домикъ рядоваго Пичугина, который, въ то время, стоялъ на часахъ въ зданіи казначейства. „Твой домъ горитъ и семейство твое въ опасности“, говорили Пичугину люди: —„иди, спасай ихъ!“—„Если не спасутъ ихъ Богъ и добрые люди, то пусть горятъ а я не оставлю своего поста“,— отвѣчалъ Пичугинъ.

Вскорѣ загорѣлось и то зданіе, гдѣ стоялъ Пичу-

гипъ и ему опять стали кричать, чтобъ онъ оставилъ постъ; но онъ стоялъ на немъ до тѣхъ поръ, пока его не смѣнили.

Домишка его сгорѣлъ.

Государь Императоръ за примѣрное исполненіе службы приказалъ уволить Пичугина въ отставку, дать 600 рублей на обзаведеніе и производить ежегодно пенсію.

Рядовой Ларіонъ Кулябинъ.

Въ С.-Петербургѣ, въ іюнѣ 1834 года, отъ молніи загорѣлся сарай артиллерійской лабораторіи, гдѣ, въ то время, хранилось до 6,000 конгревовыхъ ракетъ.

На часахъ у сарая стоялъ рядовой Нейшлотскаго полка Ларіонъ Кулябинъ, который, не смотря на опасность быть убитымъ, оставался на посту до тѣхъ поръ, пока его не смѣнили. Государь Императоръ приказалъ выдать этому рядовому 300 руб. сер. и перевелъ его въ лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ.

Добрый солдатъ.

Наши войска шли въ 1813 году, по нѣмецкой землѣ и гнали французовъ во свояси. Переходъ былъ утомителенъ. Шли по каменистой почвѣ. Одинъ изъ прусскихъ новобранцевъ истоптать сапоги и долженъ

былъ идти безъ обуви. Ноги его распухли и разболѣлись. Онъ сѣлъ на траву и плакалъ. Мимо него проходилъ нашъ Семеновскій полкъ. Одинъ изъ рядовыхъ, не останавливаясь, бросилъ плачущему пруссаку пару новыхъ сапогъ, висѣвшихъ у него на тесакѣ. Это было ночью. Офицеры видѣли поступокъ, но на ходу не могли разсмотрѣть лица добраго солдата. На другой день полковой командиръ, желая наградить такое дѣло, вызывалъ солдата передъ фронтъ; но добрый солдатъ не захотѣлъ назваться и имя его осталось неизвѣстнымъ.

Матросъ Морозовъ.

Въ 1832 году русскія войска ходили на выручку къ грекамъ противъ турокъ. Наши караулы заняли греческій городъ. На мосту пришлось стоять моряку Морозову вдвоемъ съ грекомъ. Начальство приказало Морозову стрѣлять только въ крайнемъ случаѣ, а ружье было заряжено. Стоитъ нашъ Морозовъ и видитъ, что несется на мостъ бѣшеный быкъ; хвостъ задралъ, глаза выпучилъ и реветъ во всю мочь. Народъ такъ отъ него и валитъ во всѣ стороны. Грекъ часовой сейчасъ подъ мостъ и спрятался, а Морозовъ ни съ мѣста. Видитъ, дѣло плохо—убьетъ, а не знаетъ: стрѣлять ему или нѣтъ; вѣдь сказано стрѣлять въ крайнемъ случаѣ. Какъ-бы начальство не взыскало? Пока онъ раздумывалъ, быкъ очутился передъ нимъ и готовъ былъ поднять его на рога. Мо-

розовъ перекрестился, ружье на руку, да и запустилъ штыкъ по самую шейку ему въ лобъ: быкъ упалъ передъ нимъ на четвериньки и сейчасъ же околѣлъ. Сбѣжались со всѣхъ сторонъ греки, обступили Морозова, бросаютъ ему деньги и кричатъ: „вивать, руссико! вивать!“ (значитъ: хорошо, русскій хорошо).— Я вамъ дамъ виноватъ!“—говоритъ Морозовъ, вынувъ штыкъ и взявъ ружье на плечо.—„Не вамъ меня судить: можетъ и виноватъ, да передъ начальствомъ, а не передъ вами. Маширъ отсюда!“ Государь Императоръ Николай Павловичъ приказалъ выдать Морозову 100 руб. награды, а погнутый штыкъ взяли на сохраненіе въ арсеналъ.—„Ну, братъ, Морозовъ, славную ты штуку сморозилъ!“—говорили ему потомъ товарищи.

Рядовой Дудатьевъ.

Въ 1852 году Нижегородскаго драгунскаго полка, унтеръ-офицеръ Петръ Готовитскій, былъ взятъ горцами въ плѣнъ, закованъ въ желѣзныя кандалы и посаженъ въ яму. Въ той-же самой деревнѣ былъ другой плѣнникъ, рядовой того-же полка Дудатьевъ, который ходилъ на волѣ и задумалъ уже прежде бѣжать. Когда привели Готовитскаго, Дудатьевъ рѣшилъ подождать, чтобы вывести съ собою земляка. Черезъ два мѣсяца, въ назначенный день, Готовитскій выползъ вечеромъ на дворъ къ Дудатьеву, который взялъ его къ себѣ на плечи, пошелъ къ рѣкѣ и

тамъ переждавъ, пока не миновала ихъ высланная изъ деревни погоня. Счастливо избѣжавъ первой опасности, Дудатьевъ разбилъ своему товарищу кандалы, но больной и изнуренный унтеръ-офицеръ не могъ самъ идти. Дудатьевъ не бросилъ его, а несъ на плечахъ цѣлыхъ 6 дней, пока не добрались до русскаго укрѣпленія. Тамъ дали помощь и они прибыли въ свой полкъ.

Государь Императоръ наградилъ Дудатьева серебряною медалью съ надписью „за спасеніе погибающихъ“ и 150 руб. деньгами. Кромѣ того, его человѣколюбивый поступокъ оглашенъ по всей арміи.

Часовой и Суворовъ.

Александръ Васильевичъ Суворовъ сильно не любилъ, чтобы солдатъ, когда бы то ни было, отвѣчалъ ему: „не могу знать“. Такихъ называлъ онъ немогузнайками и смѣялся надъ ними. Разъ, въ трескучій морозъ, подъѣхалъ онъ къ часовому и спрашиваетъ: „Сколько, братецъ, на небѣ звѣздъ?“ —„Сейчасъ перечту, ваше сіятельство“,—отвѣчалъ бойкій солдатъ:—„разъ, два, три, четыре, пять, шесть семь...—и такъ все считалъ до тысячи, потомъ дальше; Суворову надоѣло ждать: озябли ноги и онъ ускакалъ. На другой день онъ произвелъ этого солдата въ унтеръ-офицеры и говорилъ часто своимъ приближеннымъ: „А этотъ солдатикъ перехитрилъ меня!“.

Гренадеръ Велигусъ.

Гренадеръ Велигусъ схватился съ туркомъ въ рукопашную: оборолъ его. Раненый турокъ сталъ просить пощады. Онъ его выпустилъ и присѣлъ на землю, потому что самъ былъ сильно раненъ. Отдохнувши немного, Велигусъ вынулъ изъ сумки сухарь и сталъ его грызть. Голодный турокъ не вытерпѣлъ и сталъ дѣлать гримасы: „дай, молъ, мнѣ!“—А, проголодался бѣдняга! Ладно, позавтракаемъ вмѣстѣ,— и онъ насыпалъ ему сухарей.

Это было при Кирюкъ-Дарѣ, въ 1854 году.

Стрѣлокъ.

Между солдатами Курнскаго полка были отличные стрѣлки. Въ свободное отъ походовъ время полковой командиръ приказывалъ ставить шестъ съ мишенкой и, присутствуя самъ при стрѣльбѣ, давалъ изъ своихъ денегъ по рублю тѣмъ, кто попадалъ въ цѣль. Однажды, одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ не хотѣлъ стрѣлять и стоялъ облокотившись на ружье.—„Почему не стрѣляешь?“—спросилъ его полковой командиръ.—„Нехочу даромъ брать денегъ у Вашего Высокоблагородія. Я промаховъ не даю!“

Кошка.

Во время Севастопольской войны, не мало от.ли-

чался въ вылазкахъ матросъ 30-го флотскаго экипажа, именемъ Кошка. Это былъ молодецъ рѣдкой отваги. Вотъ нѣсколько разсказовъ про его выходки:

Послѣ одной изъ вылазокъ, въ непріятельскихъ траншеяхъ остался убитымъ одинъ изъ флотскихъ унтеръ-офицеровъ. Было холодно, и непріятель замерзшій трупъ выставилъ наружу, прислонивъ его къ насыпи. Обидно показалось нашимъ матросамъ такое поруганіе надъ трупомъ, унтеръ-офицера этого знали за хорошаго человѣка; жалко стало имъ, что за его мужество и отвагу, вмѣсто награды, выставили его на позорище.

Кошка вызвался сходить и принести трупъ этого унтеръ-офицера. Выпросивъ позволеніе, онъ, предъ разсвѣтомъ, надѣлъ грязный сѣрый мѣшокъ, чтобъ его не такъ легко было отличить отъ земли и сталъ ползти, прокрадываясь по тихоньку. Доползя до стѣнки одного хутора, онъ тутъ остановился въ 100 шагахъ отъ трупа и не рѣшался идти далѣе, такъ какъ было уже свѣтло. Здѣсь онъ прождалъ цѣлый день. Наступилъ вечеръ. Кошка, выбравъ минуту, когда англичане стали смѣняться въ траншеяхъ, поползъ дальше. Добравшись до трупа, онъ быстро вскинулъ его спиной себѣ на спину и бросился съ нимъ бѣжать на батарею. Англичане съ разу не разобрали, что такое это двигается. Кошка пробѣжалъ половину дороги благополучно, но потомъ по немъ стали стрѣлять и пять пуль попало въ трупъ; Кошка же благополучно добѣжалъ до своей батареи.

По ночамъ Кошка часто подползалъ къ англій-

скимъ траншеямъ. Притаится, какъ настоящая кошка, и часъ два не шевельнется, пока не высмотритъ, гдѣ удобнѣе схватить ружье. Схватитъ ружье и бѣжитъ стремглавъ на батарею. Англичане всполошатся, поднимутъ сильную перестрѣлку и пошла по всему ихъ лагерю страшная тревога. И все это надѣлаетъ одинъ Кошка, который, пользуясь темнотою ночи, добѣжитъ до своихъ невредимо.

Какъ то разъ изъ англійскаго лагеря выбѣжала верховая осѣдланная лошадь и, добравшись до средины между нашими и англійскими батареями, остановилась. Увидѣлъ Кошка, захотѣлось ему поймать ее, и просится онъ у командира батареи: „Дозвольте,“ говоритъ „Ваше Высокородіе, лошадь г.. абордажъ взять, исправно вернусь.“

Отправляясь, Кошка проситъ, чтобы стрѣлки наши стрѣляли по немъ холостыми патронами, какъ будто по перебѣжчику. Выбѣжалъ Кошка. Англичане, видя, что по немъ стрѣляютъ, машутъ ему руками и шапками, а онъ, поровнявшись съ лошадью, ловко поймалъ ее, вскочилъ ей на спину и поскакалъ къ своимъ. Англичане опомнились, начали стрѣлять было по немъ, да было поздно: Кошка успѣлъ уже вскочить за батарею.

Солдатскія щи.

Въ одну изъ экспедицій, произведенныхъ на Кавказѣ подъ командою генерала Граббе, случилось однажды, что отрядъ былъ задержалъ переправой и наше

войско осталось нѣсколько дней безъ продовольствія: не было ни сухарей, ни соли, ни мяса, ни вина. Пѣхотные солдатики, расположась въ садахъ, на берегу рѣчки Койсу, развѣсили на треногахъ котлы, развели огонь, а кашевары, какъ ни въ чемъ не бывало, съ трубками въ зубахъ, помѣшивали ложками какой-то наваръ. Остальные съ пѣснями носили воду.

— Что вы варите? спросилъ у нихъ батарейный командиръ.

— Щи, Ваше Высокоблагородіе!

— Да развѣ вамъ роздали крупу, мясо и соль?

— Никакъ нѣтъ; мы собрали съ абрикосовыхъ деревьевъ листья и варимъ себѣ щи!—весело отвѣчали солдаты.

Донскіе казаки.

Въ 1853 г. съ магометова поста было выслано 25 человѣкъ Донскаго № 30 полка на фуражировку. На Кавказѣ рѣдко случалось, чтобы фуражировка обошлась благополучно. Горцы слѣдили за всѣми партіями, выходившими изъ крѣпости, а часто и заранѣе знали черезъ лазутчиковъ куда и сколько человѣкъ будетъ отправлено. На этотъ разъ донцы благополучно запаслись фуражемъ, дровами и уже возвращались въ крѣпость, подшучивая надъ бдительностью горцевъ. Вдругъ изъ за болота выскочили 150 человѣкъ и бросились на донцовъ въ шашки. Урядникъ, бывшій начальникомъ команды, приказалъ выставить лошадей, а людямъ спрятаться въ середину и какъ только

наскочутъ горцы на хорошій выстрѣлъ, сдѣлать дружный залпъ. Донцы исполнили приказаніе и первая атака была отбита. Горцы подхватили убитыхъ и ускакали изъ подъ выстрѣловъ.

Захотѣлось еще попробовать счастья; наскакали другой разъ и, также встрѣченные залпомъ, отхлынули. Урядникъ шутилъ: „Дудки! Они, вѣрно, ещe рекруты и не знаютъ, что съ воза упало, то и пропало. Ну такъ ихъ надо поучить немного за это. “Взяла злость горцевъ, что они не могутъ никакъ справиться: ударили въ шашки третій разъ и въ третій разъ были отбиты залпомъ. „Ну, теперь братцы, не бойтесь„ сказалъ урядникъ, „три раза отбили, отобьемъ и четвертый, только заряжай, да пали, а тамъ и наши подоспѣютъ; теперь-же нужно и отдохнуть.“

Дѣйствительно, на посту услышали перестрѣлку и выслали имъ помощь въ 30 человѣкъ. Горцы оробѣли и думая, что подмога велика, стали быстро утступать. Казаки сѣли на лошадей и пустились въ погоню: гнали ихъ верстъ 30, отняли 6-ть лошадей и до 40 человѣкъ плѣнными и убитыми. Ихъ начальникъ тоже былъ убитъ.

Рядовой Чепыженко.

18 Сентября 1828 года, въ сраженіи съ турками. рядовой лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, Чепыженко. былъ легко раненъ пулею въ грудь. Онъ могъ выковырнуть ее изъ тѣла, что онъ и сдѣлалъ. Послѣ зарядилъ ею свое ружье, и говоря: вотъ-же вамъ обратно

свинцовый подарокъ, выстрѣлилъ въ непріятеля. Кровь изъ раны сочилась, но онъ во все время сраженія не оставилъ строя.

Храбрый канониръ.

Въ августѣ 1790 г. наши дрались на морѣ со шведами. Канониръ подносилъ фитиль, но шведское ядро оторвало ему правую руку. Храбрый канониръ не сробѣлъ. Онъ поднялъ лѣвою рукою фитиль и сдѣлалъ выстрѣлъ, а товарищамъ весело сказалъ: „Пусть шведъ знаетъ, что у русскаго солдата“ и лѣвая рука врага поражаетъ.

Рядовой Бурмистровъ.

При штурмѣ Варшавы, вызвали охотниковъ. Въ числѣ ихъ былъ рядовой лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, Бурмистровъ, которому въ то время вышла уже чистая отставка. Молодые солдаты стали упрекать его за то, что онъ, отслуживъ свой срокъ, отнимаетъ у нихъ возможность отличиться. На это онъ имъ отвѣтилъ, что не желаетъ получать отставки, а хочетъ сложить свою голову за Царя и православную Русь. Желаніе его исполнилось — онъ былъ убитъ; но за то память о немъ всегда будетъ жить въ рядахъ нашихъ войскъ.

Рядовые Новачковъ и Ямбуровъ.

Лезгины штурмовали укрѣпленіе Ахту. Рядовой Новачковъ храбро работалъ штыкомъ, но одинъ лезгинъ лѣвою рукою схватилъ за его штыкъ, а правою разрубилъ Новачкову ногу. Рядовой Ямбуровъ подоспѣлъ на подмогу. Онъ крикнулъ: „Не берись за казенное ружье“ и хватилъ лезгина штыкомъ въ грудь. Лезгинъ повалился мертвъ.

Саперъ Афанасій Безрукій.

Трудна служба сапера: работай лопатой, работай топоромъ и работай штыкомъ. Знаете-ли гдѣ ему приходится работать? Или подъ страшнымъ огнемъ въ крѣпости онъ долженъ выставлять туры съ землей, чтобы можно было своимъ подойти къ крѣпости, или въ землѣ, на большой глубинѣ, онъ роетъ ходы, чтобы подкопаться подъ врага. И на землѣ (ведя сапу), и подъ землею (ведя мину), онъ каждую минуту долженъ быть готовъ къ смерти: вверху отъ пули, внизу отъ взрыва: потому что непріятель тоже не дремлетъ, ведетъ свою мину, хочетъ и самъ подкопаться.

Афанасій Безрукій, 4 сапернаго баталіона, каждую ночь въ Севастополѣ хаживалъ изъ бастіона смотрѣть, что дѣлаетъ непріятель. То скачкомъ, то ползкомъ доберется, бывало, до траншей, высмотритъ и донесетъ начальству: начальство знало, что Безрукій правду сказалъ, и всякій разъ приказывало стрѣлять въ то

мѣсто, куда онъ назначалъ. Смотрятъ утромъ, куча убитыхъ: Получилъ Георгія.

Казакъ Докторовъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ, 1846 г. казакъ Гребенскаго полка работалъ на своемъ огородѣ съ женой. Недалеко отъ этого мѣста засѣла партія черкесъ въ 8 человѣкъ и терпѣливо ожидала добычи. Какъ только подошелъ вечеръ, черкесы сдѣлали выстрѣлъ и бросились въ огородъ. Казачку положили на сѣдло, мужа привязали къ стремени другаго всадника и быстро направились къ Тереку, пробираясь лѣсомъ. Удары нагайкой подгоняли несчастнаго плѣнника. Недалеко отъ этого огорода, работалъ другой казакъ, Василій Докторовъ. Какъ только онъ услыхалъ выстрѣлъ, бросилъ работу и побѣжалъ къ товарищу; но дѣло было уже сдѣлано. Тогда Василій Докторовъ бросился по слѣдамъ и сталъ кричать на разные голоса, чтобы подумали, что онъ не одинъ. Пробѣжавъ съ версту, онъ увидѣлъ, наконецъ, черкесъ, переплывавшихъ рѣку Терекъ. Выстрѣлить и броситься въ рѣку было дѣломъ секунды для отважнаго казака. При видѣ такой смѣлости, черкесы подумали и впрямъ казаковъ много, перепугались и бросили плѣнниковъ, разбѣжавшись въ разныя стороны. Главнокомандующій князь Воронцовъ назначилъ Василію Докторову за этотъ подвигъ Георгіевскій крестъ.

Афанасій Прокофьевъ.

Во время защиты Севастополя, на одной куртинѣ упала бомба и зажгла туры и фашины: нельзя было изъ амбразуры стрѣлять. Саперъ 3 баталіона Афанасій Прокофьевъ живо забросалъ бомбу землей, а потомъ вывернулъ изъ нея трубку. Прокофьевъ не побоялся того, что бомбу могло разорвать на куски, и онъ первый пошатился бы за свою смѣлость; этимъ подвигомъ онъ спасъ своихъ товарищей отъ смерти или увѣчья. Пожаръ въ амбразурѣ тоже скоро потушили. Прокофьевъ получилъ баинъ къ Георгію.

Рядовой Иванъ Ващенко.

Лейбъ гвардіи Егерскаго полка 8-й роты, рядовой Иванъ Ващенко, находясь 8-го мая 1831 года, для прикрытія орудій, въ сраженіи съ поляками, оказалъ слѣдующій подвигъ: когда непріятель сдѣлалъ сильный натискъ на нашу цѣпь и рота ударила въ штыки, то рядовой этотъ, бросившись впередъ, положилъ сперва изъ ружья одного непріятельскаго стрѣлка который выстрѣлилъ по немъ, вслѣдъ затѣмъ прикололъ другаго стрѣлка штыкомъ и принудилъ еще двухъ просить пощады. Отобранныя у нихъ ружья онъ сдалъ музыкантамъ, а, взятыхъ имъ въ плѣнъ непріятельскихъ солдатъ представилъ самъ генералъ-адъютанту Бистрому, который похвалилъ ловкость и отвагу Ивана Ващенки.

Смѣтливость рядоваго Ивана Савельева.

Въ 1812 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ окрестностяхъ Смоленска, на обширныхъ поляхъ собирались войска русскія, для защиты города отъ войскъ Наполеона. Бѣлѣлись раскинутыя палатки, а у тѣхъ, которыя принадлежали начальствующимъ лицамъ, поставлены были, по правиламъ службы, часовые. Въ одну темную, дождливую, холодную ночь, завывалъ порывистый вѣтеръ, одинъ изъ полковыхъ командировъ вышелъ изъ палатки. Часовой Иванъ Савельевъ, увидя генерала, тотчасъ же всталъ на свое мѣсто.

— „Что, холодно?“ спросилъ генералъ.

— „Холодно и мокро, ваше превосходительство!“ отвѣчалъ часовой.

— „Озябъ ты?“

— „Терпѣть можно, ваше превосходительство, не больно озябъ“.

— „Войди въ палатку“, сказалъ генералъ, желая испытать часоваго, „я тебѣ дамъ стаканъ чаю“.

— „Не смѣю, ваше превосходительство“.

— „Ну такъ постой, я тебѣ сюда подамъ“.

Налилъ генералъ стаканъ чаю и вынесъ часовому: „пей“.

— „Не смѣю ваше превосходительство“.

— „Пей, когда я тебѣ приказываю!“.

Часовой оробѣлъ немного и призадумался, какъ тутъ быть? стоя на часахъ, нельзя взяться за стаканъ, а генералъ стоитъ передъ нимъ, держитъ стаканъ въ рукахъ и говоритъ: „пей, я тебѣ приказы-

ваю!“ На одинъ мигъ только призадумался часовой, да во все горло закричалъ: „Ефрейтора!“.

Генералъ стоитъ, думаетъ себѣ: „погляжу, что-то будетъ“. Ефрейторъ выскочилъ; часовой, стоя на своемъ мѣстѣ, потребовалъ смѣны, отдалъ честь и мѣсто-должнымъ порядкомъ, подошелъ къ генералу, выпилъ стаканъ горячаго чаю и поблагодарилъ; генералъ поцѣловалъ его за исправность. Савельевъ смѣнилъ, какъ слѣдуетъ, часоваго, и отстоялъ свои часы.

Бивуакъ въ 1812 году.

8-го ноября, въ послѣдній день красненькихъ сраженій, уже смеркалось, когда войска прибыли на свое мѣсто ночлега. Весь день былъ тихій, морозный, съ падающимъ легкимъ, рѣдкимъ снѣгомъ; къ вечеру стало выясняться. Сквозь снѣжинки виднѣлось черно-лиловое звѣздное небо, и морозъ сталъ усиливаться. Одинъ мушкатерскій полкъ, вышедшій изъ Тарутина въ числѣ 3000, теперь въ числѣ 900 человѣкъ, пришелъ первымъ на назначенное мѣсто ночлега, въ деревню на большой дорогѣ. Квартирьеры, встрѣтившіе полкъ, объявили, что всѣ избы заняты больными и мертвыми французами, кавалеристами и штабами. Была только одна изба для полковаго командира. Полковой командиръ подъѣхалъ къ своей избѣ. Полкъ прошелъ деревню и у крайнихъ избъ, на дорогѣ, поставилъ ружья въ козлы.

Какъ огромное, многочисленное животное, полкъ

принялся за работу и устройства своего логовища и пищи. Одна часть разбрелась, по колѣно въ снѣгу, въ березовый лѣсъ, бывшій вправо отъ деревни, и тотчасъ же въ лѣсу послышались стукъ топоровъ, тесаковъ, трескъ ломающихся сучьевъ и веселые голоса; другая часть возилась около центра полковыхъ повозокъ и лошадей, поставленныхъ въ кучку, доставая котлы, сухари и задавая кормъ лошадямъ; третья часть разсыпалась по деревнѣ, устраивая помѣщенія штабныхъ, выбирая мертвыя тѣла французовъ, лежавшія по избамъ, и растаскивая доски, сухія дрова и солому съ крышъ для костровъ, и плетни для защиты.

Человѣкъ пятнадцать солдатъ, за избами, съ крал деревни, съ веселымъ крикомъ, раскачивали высокій плетень сарая, съ котораго снята уже была крыша.

— Ну, ну, разомъ, налегни! кричали голоса, и въ темнотѣ ночи раскачивалось, съ морознымъ трескомъ, огромное, запорошенное снѣгомъ, полотно, плетня. Чаще и чаще трещали нижніе колья, и наконецъ плетень завалился вмѣстѣ съ солдатами, напиравшими на него. Послышался громкій грубо-радостный крикъ и хохотъ.

— Берись по-двое! рычагъ подавай сюда! вотъ такъ-то; куда лѣзешь то?

— Ну, разомъ!.. Да стой ребята!.. Съ накрика.

Всѣ замолкли, и не громко бархатно-пріятный голосъ запѣлъ пѣсню. Въ концѣ третьей строфы, въ разъ съ окончаніемъ послѣдняго звука, двадцать голосовъ дружно вскрикнули: „ууу! Идетъ! разомъ!.. Навались, дѣтки!.. Но, не смотря на дружныя усилія,

плетень мало тронулся и въ установившемся молчаніи слышалось тяжелое пыхтѣнье.

— Эй, вы, шестой роты! Черти, дьяволы! Подсоби... тоже пригодится.

Шестой роты человѣкъ двадцать, шедшіе въ деревню, присоединились къ тащившимъ, и плетень, саженей пять длины и въ сажень ширины, изогнувшись, надавя и рѣжа плечи пыхтѣвшихъ солдатъ, двинулся впередъ по улицѣ деревни.

Когда солдаты притащили плетень, уже съ разныхъ сторонъ разгорались костры кухонь. Трещали дрова, таялъ снѣгъ, и черныя тѣни солдатъ туда и сюда сновали по всему занятому, притоптанному въ снѣгу, пространству. Топоры, тесаки работали со всѣхъ сторонъ. Все дѣлалось безъ всякаго приказанія. Тащились дрова, про запасъ ночи, пригоражвались шалашики начальству, варились котелки, справлялись ружья и амуниція. Плетень, притащенный осьмой ротой, поставленъ полукругомъ со стороны сѣвера, подпертъ сошками и передъ нимъ разложенъ костеръ. Пробили зорю, сдѣлали разсчетъ, поужинали и размѣстились на ночь у костровъ, кто чиня обувь, кто куря трубку, кто, раздѣтый до-нага, выпаривая вшей... Казалось бы, что въ тѣхъ, почти невообразимо тяжелыхъ условіяхъ существованія, въ которыхъ находились въ то время русскіе солдаты—безъ теплыхъ сапоговъ, безъ полушубковъ, безъ крыши надъ головой, въ снѣгу при 18° мороза, безъ полнаго даже количества провіанта, не всегда поспѣвавшаго за арміею—казалось, солдаты должны были представлять самое

печальное и унылое зрѣлище. Напротивъ: никогда, въ самыхъ лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, войско не представляло болѣе веселаго, оживленнаго зрѣлища. Это происходило отъ того, что каждый день выбрасывалось изъ войска все то, что начинало унывать или слабѣть. Все, что было физически и нравственно слабаго, давно уже осталось назади, оставался одинъ цвѣтъ войска—по силѣ духа и тѣла.

Къ восьмой ротѣ, пригородившей плетень, собралось больше всего народа. Два фельдфебеля присѣли къ нимъ, и костеръ ихъ пылалъ ярче другихъ. Они требовали за право сидѣнья подъ плетнемъ, приношеніе дровъ.

— Эй, Макѣевъ, чтожъ ты запропалъ, или тебя волки съѣли? Неси дровъ-то, кричалъ одинъ краснорожій рыжій солдатъ, щурившійся и мигавшій отъ дыма, но не отодвигавшійся отъ огня. Поди хоть ты, ворона, неси дровъ, обратился этотъ солдатъ къ другому. Рыжій былъ не унтеръ-офицеръ, и не ефрейторъ, но былъ здоровый солдатъ и потому повелѣвалъ тѣми, которые были слабѣе его. Худенькій, маленькій, съ вострымъ носикомъ солдатъ, котораго называли вороной, покорно всталъ и пошелъ было исполнять приказаніе, но въ это время въ свѣтъ костра вступила тонкая, красивая фигура молодаго солдата, несшаго беремя дровъ.

— Давай сюда! Вотъ важно-то!

Дрова наломали, накидали, раздули ртами и полами шинелей, и пламя зашипѣло и затрещало. Солдаты придвинулись, закурили трубки. Молодой кра-

сивый солдатъ, который притащилъ дрова, подперся руками въ бока и сталъ быстро и ловко топотать озябшими ногами на мѣстѣ.

— Ахъ маменька, холодная роса, да хороша... припѣвалъ онъ, какъ будто икая на каждомъ слогѣ пѣсни. „Эй, подметки отлетятъ, крикнулъ рыжій, замѣтивъ, что у плясуна болталась подметка. Экой ядъ плясать“! Плясунъ остановился, оторвалъ болтавшуюся кожу и бросилъ въ огонь.

— И то братъ, сказалъ онъ, и сѣвъ, досталъ изъ ранца обрывокъ французскаго синяго сукна и сталъ обертывать имъ ногу.— Съ пару зашлись, прибавилъ онъ вытягивая ноги къ огню.

Изъ-за устанавливающагося молчанія, послышался храпъ нѣсколькихъ заснувшихъ, остальные поворачивались и грѣлись, изрѣдка переговариваясь. Отъ дальнаго, шаговъ за сто, костра послышался дружный веселый хохотъ.

— Вишь грохочатъ въ пятой ротѣ, сказалъ одинъ солдатъ.—И народу что, страсть!— Солдатъ поднялся и пошелъ къ пятой ротѣ.

— Тото смѣхъ, сказалъ онъ, возвращаясь. Два француза пристали. Одинъ мерзлый вовсе, а другой куражный, бѣда! Пѣсни играетъ.

— О-о? пойти посмотрѣть... Нѣсколько солдатъ направились къ пятой ротѣ.

Пятая рота стояла подлѣ самаго лѣса.

Огромный костеръ ярко горѣлъ посреди снѣга, освѣщая отягченныя иннеемъ вѣтки деревьевъ.

Въ серединѣ ночи солдаты пятой роты услыхали шаги по снѣгу и хрясь сучьевъ.

„Ребята, медвѣдь!“ сказалъ одинъ солдатъ. Всѣ подняли головы, прислушались и изъ лѣса, въ яркій свѣтъ костра, выступили двѣ держащіяся другъ за друга, человѣческія, странно одѣтыя, фигуры.

Это были два, прятавшіеся въ лѣсу француза.

Хрипло говоря что-то на непонятномъ солдатамъ языкѣ, они подошли къ костру. Одинъ былъ повыше ростомъ въ офицерской шляпѣ и казался совсѣмъ ослабѣвшимъ. Подойдя къ костру, онъ хотѣлъ сѣсть, но упалъ на землю. Другой маленькій коренастый, обвязанный платкомъ по щекамъ, солдатъ былъ сильнѣе. Онъ поднялъ своего товарища и, указывая на свой ротъ, говорилъ что то. Солдаты окружили французовъ, подостлали больному шинель и обоимъ принесли водки и каши. Ослабѣвшій былъ французскій офицеръ Рамболь; повязанный платкомъ деньщикъ его Морель.

Когда Морель выпилъ водки и доѣлъ котелокъ каши, онъ вдругъ болѣзненно развеселился и началъ, не переставая, говорить что-то не понимаьшимъ его солдатамъ. Рамболь отказывался отъ ѣды и молча лежалъ на локтѣ у костра, безсмысленными красными глядя на русскихъ. Изрѣдка онъ издавалъ протяжный стонъ и опять замолкалъ. Морель, показывая на плечи, внушалъ солдатамъ, что это былъ офицеръ и что надо его отогрѣть. Офицеръ русскій, подошедшій къ костру, послалъ спросить у полковника, не возметъ-ли онъ къ себѣ отогрѣть французскаго офицера; и когда

вернулись и сказали, что полковникъ велѣлъ привести офицера, Рамболю передали, чтобъ онъ шелъ.

Онъ всталъ и хотѣлъ идти, но пошатнулся и упалъ бы, если бы подлѣ стоящій солдатъ не поддержалъ его.

— Что? не будешь? насмѣшливо подмигнувъ, сказалъ одинъ солдатъ, обращаясь къ Рамболю.

Э, дуракъ! что врешь нескладно! То-то мужикъ, послышалось съ разныхъ сторонъ упреки пошутившему солдату. Рамболя окружили, подняли двое на руки, перехватившись ими, и понесли въ избу. Рамболь обнялъ шеи солдатъ, и когда его понесли, жалобно заговорилъ по-французски: „Молодцы, о мои добрые, добрые друзья!“ и какъ ребенокъ, головой склонился на плечо одному солдату.

Между тѣмъ Морель сидѣлъ на лучшемъ мѣстѣ, окруженный солдатами. Морель—маленькій, коренастый французъ, съ воспаленными, слезившимися глазати, обвязанный по-бабьи платкомъ сверхъ фуражки, былъ одѣтъ въ женскую шубенку. Онъ видимо захмѣлѣлъ, обнявши рукой солдата, сидѣвшаго подлѣ него, пѣлъ хриплымъ перерывающимся голосотъ французскую пѣсню.

Солдаты держались за бока, глядя на него.

— Нука, ну-ка научи, какъ? Я живо перейму.

— Какъ? говорилъ шутникъ-пѣсенникъ, котораго обнималъ Морель.

Морель запѣлъ извѣстную французскую пѣсенку; солдатъ-шутникъ, уловивъ мотивъ пѣсни, передразни-

валъ Мореля, къ общему удовольствію хохотавшихъ солдатъ.

— Ай важно! Вотъ такъ французъ! ай... го-го-го! Чтожъ ѣсть еще хочешь?

— Дай ему каши-то; вѣдь нескоро наѣстся съ голоду-то.

Опять дали ему каши, и Морель посмѣиваясь, принялся за третій котелокъ. Весело улыбались лица всѣхъ молодыхъ солдатъ, смотрѣвшихъ на Мореля. Старые солдаты, считавшіе не приличнымъ заниматься такими пустяками, лежали съ другой стороны костра, но изрѣдка, приподнимаясь на локтѣ, съ улыбкой выглядывали на Мореля.

— Тоже люди, сказалъ одинъ изъ нихъ, завертываясь въ шинель. И полынь на своемъ корню растетъ.

— Ой!... Господи! какъ звѣздно, страсть!

— Къ морозцу.... И все затихло.

Дѣло подъ Журжей.

Разсказъ рядоваго, Колыванскаго полка, Иванова.

„Стою я въ кустахъ и слышу подъ берегомъ кто-то щелкаетъ, какъ замокъ. Вижу: турокъ притаился и въ меня цѣлится. Вотъ тутъ, грѣха таить нечего, я таки дрогулъ: стрѣлять боюсь—не попаду, а онъ отъ меня въ десяти шагахъ всего. Такъ что-жъ я? Теперь смѣхъ береть: сталъ я предъ нимъ кидаться изъ стороны въ сторону, какъ танцую, а онъ-то все

ружьемъ водитъ за мной; самъ прыгаю, да все ближе къ нему, все ближе. Такъ съ полчаса танцовалъ, потъ даже пропибъ. Ну, и выстрѣлилъ онъ, пуля мнѣ въ лѣвый бокъ попала, шинель порвала, мундиръ, а по тѣлу такъ обожгла. Я подскочилъ къ нему, да хотѣлъ штыкомъ ударить, онъ увернулся и прямо въ Дунай. Я пошелъ дальше, вижу ямка, легъ въ нее; лежу, да посматриваю; не посидѣлъ и полчаса, вижу берегомъ идутъ эти Египетскіе Арапы (Зуавы), три человѣка. Въ одного прицѣлился—прямо ему въ грудь попалъ; онъ-то упалъ, а тѣ какъ закричатъ: руссъ! руссъ! да на меня прямо накинулись. Сейчасъ одинъ штыкомъ ударилъ меня въ грудь, да не ловко попалъ: на ремень, только аммуницію порвалъ. Ну, ружье мое опростался—я стволомъ какъ далъ ему по головѣ—ружье и переломилось. Я ружье бросилъ, выхватилъ тесакъ: а онъ стоитъ выпучилъ глаза. Подскочивъ я опять къ нему, хотѣлъ зарубить, но онъ самъ закачался и упалъ на землю. А третій—бѣжать отъ меня, л занимъ,—такъ онъ ружье бросилъ, упалъ на землю, руками и ногами дрыгаетъ, кричитъ *пардона*.

Взялъ я его, связалъ руки, вывелъ его на чистоту; тутъ офицеръ и наши въ цѣпи уже стояли. Офицеръ меня спрашиваетъ: „куда ты, говоритъ, его ведешь?“

— Въ плѣнъ, ваше благородіе,—да, говорю несчастье случилось: ружье сломалось, человѣка четыре, прикололъ, да замотался потомъ. Я разсказалъ ему

все какъ было. „Царь наградитъ тебя," сказалъ офицеръ.

Тутъ унтеръ-офицеръ Томскаго полка схватилъ меня за руки: „пойдемъ, говоритъ, скорѣй" и тащитъ. А у меня ноги подкашиваются, идти немогу. Сзади насъ палятъ. Пули, какъ шмели жужжатъ. Только начали мы всходить на горку, а тутъ ядро какъ ударитъ въ землю, такъ меня отъ товарища и оторвало. Упалъ я и силы у меня нѣтъ, дальше идти не могу, а пить, Боже мой, какъ хочется; сердце такъ и горитъ. Сталъ я ворочаться по землѣ отъ боли, да и слышу кто-то стопетъ. „Землякъ, а землякъ!" говоритъ: „подлѣзай сюда, если можешь." Сталъ я по травѣ лѣзть, рука волочится, кровь льется, ажно дурно дѣлается. Подлѣзъ я и вижу: унтеръ-офицеръ, который велъ меня, лежитъ спиной кверху, внутренности у него вышли. „Предай, братъ, говоритъ, меня смерти: я уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Чѣмъ мучиться, лучше сразу умереть." — „Что ты, Господь съ тобою, можетъ доктора зашьютъ, живъ будешь!" — „Нѣтъ, братъ, жить мнѣ не долго. Ты, говоритъ какой губерніи?" — "Калужской," говорю. Ну, братъ, не рука" — А что?" — „Я, братъ, Кіевской. Растегни пинель и достань образъ, ты, можетъ Богъ дастъ, будешь живъ: самъ отопленъ къ матери, или командира попросишь. И отпиши" что приказалъ молъ, долго жить. И сказавъ это, отдалъ Богу душу. До сихъ поръ часто онъ снится мнѣ. Царство ему небесное!

:Отдѣльные эпизоды разсказы и анекдоты изъ жизни Михаила Дмитріевича Скобелева.

Неустрашимый, презирающій все, что кажется въ глазахъ обыкновеннаго человѣка опаснымъ, спокойный въ то время, когда вокругъ него все въ волненіи, и дѣлающійся неукротимымъ, когда надо сокрушить препятствіе Скобелевъ представляетъ изъ себя натуру поэтическую, полную обаянія для каждого, а въ особенности для массы, увлекающейся безотчетной отвагой. Поэтому имя Скобелева никогда не умретъ въ памяти народной; напротивъ того, разказы о его подвигахъ, переходя изъ устъ въ уста и украшенные вымыслами народной фантазіи, будутъ казаться потомкамъ невѣроятными и сдѣлается мифомъ, какъ многія повѣствованія о подвигахъ Суворова и Наполеона.

* *
*

Чувствуется, что отними у отряда имя Скобелева, отними у солдатъ вѣру въ чудную силу этого имени, много энергіи исчезло-бы, у подчиненныхъ, и трудности экспедиціи сдѣлались-бы, можетъ быть неопредолимыми. Но Скобелевъ тамъ—и все предолимо.

Его энергія вдохновляла всѣхъ.

„Впередъ, впередъ", говорилъ онъ, „мы пришли сюда не ямы копать, а двигаться впередъ, надо торопиться пора кончить"!

И торопились, и спѣшили кончить.

Онъ самъ не знаетъ устали, работаетъ съ утра до ночи; отдыхаетъ и закусываетъ урывками. За нимъ работаютъ всѣ.

Но вотъ солдаты начинаютъ утомляться, въ траншеяхъ уныніе; всѣ въ пыли, измученные, не предвидя конца своей гигантской работѣ. Сейчасъ кажется, все падетъ духомъ. Вдругъ... „Скобелевъ идетъ“, произносится повсюду; и онъ, изящный, стройный, одѣтый съ иголочки, съ улыбкой на блѣдномъ лицѣ, является передъ солдатами., Здорово, молодцы“, говоритъ онъ. „Здравія желаемъ“, гремитъ ему въ отвѣтъ, и все ожило, устали какъ будто не бывало и опять на все готовы русскіе солдатики—въ огонь за своимъ „бѣлымъ генераломъ„.

А онъ всѣмъ существомъ проникнутъ одною мыслью, однимъ желаніемъ: скорѣе достичь своей цѣли и успокоить Царя и Россію. Ночью спитъ онъ въ кибиткѣ и бредитъ штурмомъ: „ура, ура“! кричитъ онъ во снѣ.

Разсказы объ этомъ несутся по лагерю, солдаты спокойны; у нихъ есть Скобелевъ, который и во снѣ думаетъ о ихъ общемъ дѣлѣ. Не зная самъ утомленія, онъ не чувствуетъ жалости къ утомленнымъ. „Я утомленныхъ знать не желаю“, говоритъ онъ, „я признаю только мертвыхъ„. Вся его забота въ теченіи многихъ дней передъ штурмомъ была о минѣ, которую вели подъ крѣпость текинцевъ; много надъ ней потрудились солдатики, но зато по слову бѣлаго генерала все сдѣлали. Вотъ и шурмъ. Подъ страшнымъ огнемъ двигаются русскіе. Въ рѣшительный моментъ Скобелевъ самъ хочетъ вести въ аттаку батальонъ; его удерживаютъ. Наконецъ стойкость русскаго солдата беретъ свое, халатники бѣгутъ и у Скобелева является торжествующая улыбка.

Отправляясь въ бой Скобелевъ всегда оставлялъ обозъ на позиціяхъ, а котлы для варки щей и каши всегда слѣдовали за отрядомъ, такъ какъ онъ придерживался одного, въ дѣйствительности, умнаго правила: Котлы должны быть всегда съ отрядомъ, такъ какъ каша послѣ утомительнаго боя лучшая награда усталымъ солдатикамъ.

* *
*

Однажды во время штурма непріятельскихъ позицій подъ Ловчей, солдаты сильно устали, тогда Скобелевъ обратился къ нимъ: „Что братцы?“ „Моченьки нѣту отъ усталости ваше превосходительство“.—„Благодѣтели! Каша будетъ вечеромъ. Кашей накормлю. Возьмите еще вотъ эту турецкую батарею!“—и солдаты, смѣясь отъ души, напрягали послѣднія силы и брали непріятельское укрѣпленіе.

* *
*

Однажды генералъ проходитъ возлѣ пикета, который занимали казаки. Они варили что-то. „Что вы варите, ребята!“ — „Галушки, ваше превосходительство“. — „Гдѣ-же вы взяли припасы? „Та въ дирівні“.— „Угостите меня галушками, а я васъ водкою“ и генералъ усѣлся за котелокъ и поѣлъ съ ними галушекъ. Когда онъ вернулся въ ставку, то офицеры спросили его отчего онъ необѣдаетъ, на что онъ отвѣтилъ: „Я сытъ. Я ѣлъ боевыя галушки съ хохлами.“

* *
*

Часто онъ передъ боемъ кричалъ къ солдатамъ: „Смѣлѣй братцы впередъ за георгіями“, — кто его

хочетъ получить, тотъ не долженъ бояться смерти, а тамъ гдѣ смерть тамъ и Георгіи“.

* *
*

Пьетъ Скобелевъ чай. Проходитъ мимо его солдатъ

— Хочешь чаю? обращается къ солдату Скобелевъ.

Солдатъ мнется. Скобелевъ улыбается; улыбка у него подкупающая, глаза нѣжные, голубые, лицо такое пріятное.

Солдатъ садится и пьетъ чай съ генераломъ.

Солдатъ счастливъ.

* *
*

Встрѣчается Скобелевъ съ молоденькимъ офицеромъ въ ресторанѣ. Офицеръ скромно пьетъ кофе, робко оглядываясь по сторонамъ.

„Должно быть у него нѣтъ денегъ“ догадывается генералъ.

Жалованья получитъ офицеру въ то время было негдѣ, Скобелевъ даетъ ему взаймы безъ всякой просьбы.

Офицеръ счастливъ.

* *
*

Скобелевъ всегда гласно признавалъ заслуги, какъ офицеровъ такъ и нижнихъ чиновъ и часто награждалъ ихъ даже слишкомъ щедро. Мнѣ помнится, разсказываетъ одинъ корреспондентъ, что начальникъ его штаба, капитанъ Куропаткинъ достигъ благодаря ему полковничьяго чина въ какіе нибудь восемь мѣсяцевъ. 18-го февраля текущаго года здѣсь въ Парижѣ Скобелевъ разсказалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, который характеризуетъ обращеніе его съ людьми и знаменателенъ также съ военной точки зрѣнія. При-

вожу его подлинныя слова. Мы бесѣдовали о походѣ на Геокъ-Тепе, причемъ я ему замѣтилъ, что и въ германской арміи перестаютъ мало по малу считать его просто рубакою съ тѣхъ поръ, какъ онъ побѣдою подъ Геокъ-Тепе воздвигъ себѣ стратегическій памятникъ. Скобелевъ возразилъ на это: „Какъ побѣдитель подъ Геокъ-Тепе? Да знаете-ли вы, кто собственно побѣдилъ подъ Геокъ-Тепе? Я хочу вамъ разсказать это. Послѣ того, какъ Геокъ-Тепе была обложена и окружена траншеями, дѣла мои пошли очень плохо и меня жестоко били (его подлиннѣйшія слова) текинцы производили вылазки массами, бросались съ ятаганами въ рукахъ на мои траншеи, влѣзали, не смотря на страшныя потери, на брустверъ моихъ траншей и, стоя выше моихъ слодатъ, рубили ихъ и наполняли рвы ихъ трупами. Я не зналъ какія средства принять для отпора подобныхъ геройскихъ атакъ. Однажды, ночью объѣзжая верхомъ траншеи, я прислушался къ разговору двухъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ, небольшаго роста говорилъ: „Какъ глупо поступаетъ генералъ, приказывая намъ стоять ночью въ стрѣлковыхъ ровикахъ. Текинцы взлѣзаютъ на брустверъ и бьютъ насъ сверху. Еслибъ генералъ ставилъ насъ на десять шаговъ за ровиками, текинцы вынуждены были бы спускаться во рвы и погибили бы въ нихъ отъ нашего огня“. Слова эти указали мнѣ какъ слѣдовало отнынѣ дѣйствовать. Немедленно же я отдалъ соотвѣтствующія распоряженія и на слѣдующее утро 2,000 текинскихъ труповъ лежало въ моихъ рвахъ. Это причинило въ рядахъ непріятеля такой упадокъ духа,

что съ тѣхъ поръ съ ними не трудно было справиться. Теперь вамъ извѣстно, кто собственно побѣдилъ подъ Геокъ-Тепе. Ни слѣдующій день я пожаловалъ его георгіевскимъ крестомъ„.

* *
*

Ординарецъ Скобелева осетинъ Джаніевъ разсказываетъ, что генералъ въ Москвѣ за двѣ недѣли до смерти былъ задумчивъ, часто поминалъ смерть, опасался умереть въ мирное время. Передъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Спасскаго противъ обыкновенія, забылъ поклониться праху родителей. Вспомнивъ объ этомъ, сказалъ, что онъ воротится во деревню и у церкви оступился, упалъ на колѣно, что и принялъ за дурное предзнаменованіе.

* *
*

Во время боя подъ Ловчей, генералъ первымъ вскочилъ за первую линію ложементовъ и когда ему солдаты крикнули, куда онъ ѣдетъ, то онъ отвѣтилъ: „какъ куда! За мной редутъ взять!“ и всѣ мигомъ бросились на гору Лоисъ.

* *
*

Во время бомбардировки подъ Плевной, генералъ пошелъ въ одну палатку, которую буквально изрѣшетили пулями и не смотря на то, что онъ находился въ ней около получаса, онъ вышелъ невредимъ, къ общей радости солдатъ.

2007097087